

Два Интернационала.

(Дружеское объяснение с французскими синдикалистами).

Работы I-го Конгресса Революционных Профессиональных Союзов встретили во всей Европе очень бурный и шумный отклик. Нет ни одной газеты, которая не отозвалась бы на наши решения. Не успел еще Конгресс закончить своих работ,—он принял еще только первую резолюцию,—как уже завязалась острая полемика вокруг вопроса о Профинтерне и Коминтерне. При чем надо отметить, что наши друзья—французские революционные синдикалисты, которые обычно более серьезно относились к вопросам, на этот раз поддались общей шумихе, и вместо того, чтобы подождать окончательных результатов работ Конгресса, ознакомиться с ходом прений, с настроениями Конгресса, с различными боровшимися на нем тенденциями и с усилиями, которые делали различные направления, чтобы найти общую линию—вместо всего этого—они, не посмотрев хорошенько в святцы, сразу бухнули в колокола.

Не успела появиться за границей резолюция о взаимоотношениях двух Интернационалов, как французские синдикалисты, или точнее Ц. К. революционных синдикалистов, вынес длиннейшую резолюцию, в которой он пламенно защищает независимость союзов от злостных покушений, не признает решений Международного Конгресса Профессиональных Союзов и требует немедленного созыва нового Конгресса—одним словом, Ц. К. революционных синдикалистов выступил в роли профессионального защитника синдикализма, считая, повидимому, что интересы синдикализма и интересы революции в опасности.

Революционные синдикалисты забили тревогу, упустив из виду, что «покушение» было произведено при самом актив-

ном участии синдикалистов других стран, что докладчиками по этому вопросу были Росмер и Том Манн, что резолюцию подписали синдикалисты Испании и т. д. Несмотря на это, они, считая себя единственными носителями и защитниками истинного синдикализма, подняли шум на весь мир, чем крайне обрадовали реформистов, с одной стороны, и буржуазную прессу—с другой. Этот печальный инцидент и та поспешность, с какой такие товарищи, как Монмуссо и Монатт, схватились за перо, чтобы отстоять «жизнь и существование» профессиональных союзов, производит такое впечатление, что товарищи эти просто воспользовались случаем, чтобы отмежеваться от Красного Интернационала Профсоюзов и остаться в блестящем одиночестве. Надо сказать, что вообще вся аргументация, о которой речь будет ниже, производит крайне странное впечатление, как-будто бы во всем мире в мировом революционном профдвижении существуют одни только синдикалисты, да еще только французские. Эта своеобразная, чтобы не сказать больше, точка зрения прямо удивляет, когда она проявляется у таких серьезных людей, как т. Монатт. Вообще у наших товарищей довольно неожиданное представление о задачах Конгресса. Они очевидно, представляют себе, что Конгресс созывается для того, чтобы после совместного пения Интернационала разойтись по домам, приняв резолюции, никого ни к чему не обязывающие, ибо во всех их постановлениях, проглядывает одна и та же мысль: мы, французские синдикалисты, не позволим, чтобы вмешивались в наши дела.

Если стать на точку зрения наших французских товарищей, тогда Конгресс никаких обязательных решений вообще принять не может, ибо каждая страна может сказать: «Мы сами по себе». Конгресс принимает решения, но эти решения для данной страны не обязательны и каждая страна решает вопрос в соответствии с ее национальными особенностями и с интересами своих организаций. Если бы мы стали на такую национально-ограниченную точку зрения, мы не были бы, во-первых, интернационалистами, во-вторых, мы не были бы революционерами. В самом деле, зачем мы созываем Конгрессы? Затем, очевидно, чтобы на основании опыта всех стран, опыта положительного и отрицательного, изучив обстановку борьбы и ознакомившись с тем, что делается во всем мире, сделать выводы, обязательные для всех участников. Когда приходит ка-

какая-нибудь группа и заявляет, что решения Конгресса для нее не обязательны, мы можем только пожалеть плечами и сказать:— Зачем же вы участвуете в Конгрессе? Предоставить каждой стране делать то, что она делала раньше?—но тогда незачем было съезжаться, отнимать друг у друга время, тратить деньги на поездку.

Возьмем несколько примеров из постановлений Конгресса. На Конгрессе дебатировался вопрос о старых реформистских профессиональных союзах, нужно ли уходить из них, или их надо завоевывать, нужно ли разрушать союзы или надо привлекать на свою сторону организованные в них массы? Громадное большинство Конгресса, в том числе и французы, высказались против лозунга разрушения союзов за лозунг завоевания союзов. Было два-три человека — представители немецких унионов, которые резко категорически выступали против решений Конгресса и тоже требовали для себя свободы действий. «Вы, дескать, делайте для других стран, что хотите, а мы будем у себя, в Германии, продолжать проповедывать разрушение союзов».

Если бы Конгресс стал на точку зрения французских синдикалистов, он сказал бы: «Ну, ладно, делайте, что хотите». Вряд ли французские товарищи, если бы даже сами Монатт и Монмуссо были на Конгрессе, заняли бы такую странную позицию. Они сказали бы, что на основании французского опыта нужно проводить не лозунг разрушения, а лозунг завоевания союзов.

Второй пример. Конгресс выдвинул лозунг организации союзов по производствам. Мы ни на минуту не сомневаемся, что найдутся такие товарищи, которые скажут, что этот лозунг не везде применим, что и чисто корпоративные профессиональные союзы тоже имеют свои хорошие стороны и т. д. Особенно часто можно встретить сторонников таких взглядов в англо-санксонских странах и в некоторых отсталых производствах Франции. Что же, мы должны предоставить также свободу действия в этом отношении и сказать: «Прекрасно, если вы считаете, что организации по производствам для вас неприемлемы, тогда стройте свои организации, как хотите, Конгресс не будет вмешиваться и предоставит каждой стране делать, что она хочет?».

Третий пример. Конгресс принял определенную программу действия. В этой программе действий он выдвинул, как одну из крайне важных задач, вопрос о рабочем контроле. Приемлют ли все рабочий контроль в такой форме? Может-быть, по этому вопросу имеются свои особые предложения? Если они имеются, надо внести их на Конгресс. Но если какая-нибудь национальная организация или группа рабочих скажет, что она вообще считает, что в этом вопросе нужно предоставить свободу действия, что сам по себе лозунг о рабочем контроле неприемлем? Что на это мог бы ответить Конгресс? Неужели только то, что у нас добровольное, а не принудительное объединение и добровольное подчинение дисциплине, и что Конгресс не располагает никакими принудительными способами для того, чтобы проводить свои решения в жизнь по отношению к рабочим организациям, и поэтому пусть каждый делает, что хочет?

Четвертый пример. Конгресс принял решение о том, что нужно бороться против организации союзов по национальному признаку. В Чехо-Словакии существуют, как известно, и чешские и немецкие союзы, в Польше—союзы еврейские и польские, в Америке—расовые союзы, союзы белых и черных. Нужно, сказал Конгресс, везде вести борьбу против национальных профессиональных объединений за единые классовые союзы. Я знаю, что французские товарищи скажут: «Ну, конечно, это само собой разумеется, какие могут быть еще национальные союзы?». Но если это «само собой разумеется» для французских товарищей, то для некоторых польских или чехо-словацких рабочих это еще далеко не «само собой разумеется», и, вероятно, некоторые из них могут усмотреть в наших решениях «навязывание своей точки зрения» и могут требовать для себя «автономии» для того, чтобы и в дальнейшем существовать в качестве национальных организаций. Вряд ли хотя бы один из французских товарищей выскажется за такую автономию. Всякий из них счел бы самую постановку вопроса оскорбительной для Конгресса революционных союзов и сказал бы, что те рабочие, которые не понимают необходимости объединения союзов по принципу классовому, а не по принципу национальному или расовому, что такие рабочие еще не доросли до Красного Интернационала Профсоюзов. Но если бы Конгресс стал на эту точку зрения. было

ли бы это вмешательством во внутренние дела товарищей чехо-словаков, польских и еврейских рабочих и пр.? Наверное, было бы.

Я не хочу приводить еще ряда примеров, когда приходится принимать обязательные для всех решения. Пусть товарищи французские синдикалисты внимательно прочитают все резолюции I-го Конгресса Революционных Профессиональных Союзов, и не только прочитают, а внимательно изучат, и они увидят, сколько там вмешательства в дела профсоюзов разных стран. Да если бы такового вмешательства не было, то зачем было и Конгресс созывать и вообще создавать Интернационал. «Но,—скажут нам,—позвольте, ведь это все не то. Одно дело—вмешиваться по вопросу о национальных союзах, по вопросу о разрушении или завоевании союзов и т. д., и т. д., а другое дело—по вопросу о том, должны ли революционные профессиональные союзы координировать свои действия с коммунистическими партиями внутри любой страны. Здесь,—скажут нам,—глубоко принципиальная разница, и, если можно допустить вмешательство в первом случае, то ни в каком случае нельзя допустить его во втором». Такие рассуждения тоже не верны. Если вмешательство Конгресса допускается в десяти случаях, то оно должно быть допущено и в одиннадцатом, независимо от того, что представляет собой этот одиннадцатый вопрос. Было бы смешно, если бы Конгресс по всем вопросам мог бы высказать свою точку зрения, мог бы рекомендовать ту или другую обязательную линию, но вот по вопросу о взаимоотношениях с коммунистической партией—нет. Почему? Потому, видите ли, что у революционных синдикалистов на этот предмет существует своя, особая точка зрения. Но ведь Интернационал состоит не только из революционных синдикалистов—там имеются и коммунисты, и анархисты, и просто революционные рабочие, т.-е. все левые элементы профдвижения, и поэтому глубоко неправильна и неверна такая точка зрения на вмешательство, которая претендует на особую неприкосновенность революционного синдикализма. Говорите, дескать, о чем хотите, принимайте решения по всяким вопросам, но вот по вопросу о том, должны ли революционные профессиональные союзы координировать свои действия с коммунистической партией, нужно ли устанавливать взаимоотношения с Коммунистическим Интерна-

ционалом—по этому вопросу никаких обязательных решений и предложений. Таким образом, мы видим, что в основе своей все эти рассуждения глубоко неверны, они принципиально невыдержаны и ни в коем случае не могут заставить нас согласиться с нашими братьями по борьбе, которые в этом вопросе заняли совершенно ложную позицию.

**
*

Теперь—по существу самого вопроса об Интернационале Коммунистическом и Красном Интернационале Профсоюзов. Когда читаешь всю литературу, написанную по этому поводу, и написанную, к сожалению, нашими товарищами-синдикалистами, хватаешься за голову и спрашиваешь себя: неужели последние годы войны и революции прошли даром для этих товарищей? Неужели на свете ничего не изменилось за последние 10—15 лет? Весь мир потрясен. Пали вековые троны. На $\frac{1}{6}$ части земного шара произошла социальная революция. Разгромлен вдребезги старый Интернационал, разлагается Амстердамский Интернационал. Возник III Коммунистический Интернационал, возникает Революционный Интернационал Профессиональных Союзов. Как-будто бы много элементов нового возникло за это время, а между тем, если послушать наших товарищей-синдикалистов, все эти изменения ни в какой мере не нарушают стройной теории, которую они создали в 1906 году в Амьене по вопросу о независимости профессиональных союзов в отношении к социалистической партии. Все изменилось, кроме Амьенской Хартии, при чем наиболее любопытная сторона во всей этой истории—это то, что за один конец Хартии держится коммунист-синдикалист Вердье, а за другой цепляется также и Жуо и вся враждебная коммунизму и революционному синдикализму пресса. Один тот факт, что Жуо может цепляться за эту Хартию, более того, тот факт, что вся французская пресса явно сочувственно относится к независимости французского синдикализма, должен был бы заставить наших французских товарищей задуматься. Ибо нюх-то у буржуазии очень хороший, классовый инстинкт буржуазных журналистов им всегда подсказывает, за какое наиболее слабое место уцепиться, и если вся буржуазная пресса, ругая Коммунистический Интернационал и принятую Конгрессом Красного Интернационала Профсоюзов ре-

золюцию, явно сочувственно относится к теории независимости французского синдикализма, то это является достаточным основанием для очень и очень серьезного рассмотрения как самой теории независимости, так и тех выступлений, которые наши друзья сторяча сделали непосредственно после опубликования во французской прессе принятой резолюции.

О какой независимости и о какой автономии идет речь? Почему Монатт, Монмуссо и другие товарищи с такой страстью доказывали, что нет никаких гарантий, что коммунистическая партия будет революционна? Гарантию будущей революционности довольно трудно дать. Когда Всеобщая Конфедерация Труда принимала Хартию в Амьене в 1906 году, революционные резолюции против войны на своих конгрессах в Марселе, Гавре и в Париже, что же—имели вы гарантию, что она не станет на сторону буржуазии? И разве, несмотря на эти резолюции, Всеобщая Конфедерация Труда не перешла 2-го августа 1914 года «с оружием и багажем» на сторону правительства? В этом отношении революционные синдикалисты проделали то же самое, что и социалисты. Не нужно, следовательно, гадать о будущем. Нужно революционной работой и поднятием сознания масс в настоящем создать такие условия, при которых предательство будет невозможно.

Нужно смотреть на настоящее и подойти к вопросу практически, следующим образом: ставят ли перед собой революционные синдикалисты, как цель—коммунизм, к которому они идут через социальную революцию и диктатуру пролетариата? Если они такую цель пред собою ставят, если они считают, что эта цель должна быть осуществлена в ближайшее время, что эпоха, нами переживаемая,—революционная, тогда нужно поставить другой вопрос: есть ли на территории данной страны еще какие-нибудь организации, которые ставят пред собою те же самые цели, которые в своей повседневной работе, в своей деятельности, в своей практике приближают нас к этой революции. Если есть, то было бы преступлением не координировать и не согласовывать свои действия, не создавать блока для совместных выступлений. Было бы преступным расхищением наших сил и революционной энергии рабочего класса, если бы мы этого не делали. Я спрашиваю синдикалистов Франции: что, предпринимательские организации Франции, металлостроители, текстильные фабриканты, фабриканты хи-

мических изделий, автомобилей и т. д., что, они отделяют политику от экономики? Противопоставляют ли они свои экономические организации политическим? Никогда! Буржуазия предоставляет это делать рабочим. Она знает, что политические и экономические объединения являются организационным выражением энергии определенного класса, что любой класс в борьбе должен создавать оба типа организаций, и чем крепче связь между его политическими и экономическими организациями, чем эта связь устойчивей и постоянной, тем более шансов на то, чтобы победить своих классовых врагов. Синдикалисты Франции обычно говорят: «Наша коммунистическая партия не является еще революционной». Допустим, что французская коммунистическая партия не является идеалом революционности. А что же—революционные синдикалисты, являются ли они уже идеалом в смысле выдержанности своей линии, в смысле тактики, в смысле практической своей деятельности? Революционные синдикалисты безгрешны, без дефектов, что ли? Наверное, и у них найдется не мало дефектов. Если партия недостаточно революционна, надо ее революционизировать. Ведь соглашение-то с партией должно происходить не на почве пассивности, не на почве бездеятельности, а на почве активных революционных действий и выступлений. Какие соображения могут быть против того, чтобы входить в такие соглашения? О чем говорит резолюция I-го Международного Конгресса Революционных Профессиональных Союзов? О том, что нужно вступать в соглашения для революционной борьбы и координировать оборонительные и наступательные действия революционных союзов и коммунистической партии. Ведь Конгресс не говорил о слиянии партии с союзами. Конгресс не говорил о механическом подчинении союзов партии. Конгресс сказал, что, в виду крайне острого и критического международного положения, в виду высокой организованности буржуазии, высокой ее сплоченности и сознательности, необходимо координировать действия, органически слить борьбу, собрать всю революционную энергию, чтобы она не была распылена в бесплотных и бесплодных разговорах. Что против этого, по существу, могут возразить революционные синдикалисты? Они могут только сослаться на Амьенскую Хартию, которая предусмотрела все на вечные времена.

Если цель пред вами и пред партией одна, если вы вместе с партией считаете, что мы переживаем революционное время, что только крайнее напряжение революционных сил может принести нам победу, то зачем тогда тревожные крики о независимости? Эта тревога была бы понятна, если бы вы считали линию коммунизма неправильной, если бы вы выдвинули против Коммунистического Интернационала и коммунистической партии свою собственную практику. Если вы это выдвигаете, тогда скажите,—в чем же дело? Тогда изложите практически, что отделяет союзы в вашей борьбе за социальную революцию и диктатуру пролетариата от партии? Конечно, союзы имеют свои особенности, свои формы, свои методы борьбы, свои способы воздействия на массы. Они охватывают людей различных убеждений, партийных и беспартийных, тогда как партия охватывает единомышленников. Но ведь это же азбучная истина. Мы не можем в течение 20 лет повторять общеизвестные вещи. Это все знают, всем это известно, и для этого не нужно сейчас ссылаться на резолюции Амьенского Конгресса, провозглашать, как новое открытие, что Всеобщая Конфедерация Труда объединяет всех рабочих, независимо от политических убеждений. Это открытие, во всяком случае, незачем приводить сейчас по поводу решений I-го Международного Конгресса Профессиональных Союзов. Если это старое открытие выдвигается теперь, как аргумент, то, очевидно, здесь имеется другой смысл, другая подоплека, другое содержание. В чем же тут суть? Какими методами вы думаете бороться? Что имеют возразить революционные синдикалисты Франции против принятой Первым Конгрессом Революционных Профессиональных Союзов программы действия? Что вы можете сказать против принятой нами резолюции по организационному вопросу? Что вы имеете возразить, по существу, против принятой нами резолюции по рабочему контролю и, вообще, какие у вас принципиальные и практические возражения по поводу всех принятых нами постановлений? Вы и не думали об этом. Вы считали совершенно достаточным, на основании того, что одна резолюция не совпадает с точкой зрения революционных синдикалистов, вы считали достаточным заявить, что вы не примыкаете к Красному Интернационалу Профсоюзов.

Когда я читаю длинные статьи о независимости и о прелестьях французского синдикализма, я припоминаю всю печальную историю французского синдикализма, начиная с военного времени. Я спрашиваю, не находите ли вы нужным, вместо общей, ничего не говорящей теории о независимости, выдвинуть практическое предложение и сказать: «Мы согласны по данному вопросу совместно работать, мы согласны по данному вопросу координировать наши действия и т. д., и т. д., по другим же—нет, потому что мы расходимся по существу». Попробовали ли вы это сделать? Разве I-й Конгресс Революционных Профессиональных Союзов принял постановление, принуждающее вас заняться парламентской борьбой, если вы, скажем, против парламентаризма? Нет, Конгресс не стоял на точке зрения антипарламентаризма, но Конгресс вообще этим вопросом не занимался. Он полагал, что есть более важные вопросы. Сейчас положение настолько сложное и серьезное, что пред лицом переживаемых нами событий этот вопрос является во всяком случае второстепенным.

Я читал все статьи, которые писались по вопросу о независимости, пламенные возражения против принятой нами резолюции, но, к сожалению, не нашел ни одного серьезного аргумента. Много горячности, много сердца и пламени, но очень мало логики. Может ли существовать Интернационал Профессиональных Союзов, не сотрудничая с Интернационалом Коммунистическим? Я скажу иначе: должен ли существовать такой Интернационал? Такой Интернационал существовать не может и не должен, ибо Интернационал Профессиональных Союзов не есть Интернационал, который будет заниматься исключительно вопросами заработной платы, улучшения условий труда и проч. Если бы мы создали такой Интернационал, тогда он мог бы, может-быть, стоять вне всякого сотрудничества с Коммунистическим Интернационалом. Но я не думаю, чтобы синдикалисты считали возможным примкнуть к корпоративному Интернационалу. Но если ваш Интернационал ставит перед собой задачи низвержения капитализма, задачи социальной революции, установления диктатуры пролетариата, вообще активную борьбу в международном и национальном масштабе, то как может такой Интернационал не переплести своей работы с Интернационалом Коммунистическим? Вряд ли товарищи-синдикалисты будут от-

рицать, что Коммунистический Интернационал ставит перед собой такие же задачи. Вряд ли они откажут Коммунистическому Интернационалу в революционности. По крайней мере, ненависть мировой буржуазии к III Интернационалу свидетельствует о том, что он эту ненависть заслужил и что он является опаснейшим врагом современного строя. Если это так, то как можно вообще, с точки зрения интересов рабочего класса, подойти к такому раздельному существованию? Это все происходит потому, что синдикалисты всегда раздваивают борьбу рабочего класса, что они отделяют экономику от политики, что для них политика есть только лишь парламентская борьба и парламентские выступления.

Между тем, политика заключается в противопоставлении одного класса другому. Определить линию, условия борьбы одного класса против другого, противопоставить один класс другому в повседневной деятельности и в борьбе уловить слабые и сильные стороны угнетенного класса для того, чтобы организовать его и двинуть его против класса эксплуататоров, все это есть политика. Таким образом, политика охватывает собой все способы борьбы. Всякая крупная экономическая забастовка, всякий крупный экономический конфликт всегда выходит из рамок узко-экономических, ибо, сталкивая рабочих с отдельным или коллективным предпринимателем, он его в конце-концов сталкивает с государством, т.е. с политическим выражением интересов господствующих классов. Поэтому постоянное противопоставление политики экономике, отодвигание политической партии и Коммунистического Интернационала на задний план, смешение политики с политиканством — все это свидетельствует о глубоком непонимании сущности политической борьбы, более того, о непонимании революционной роли Коммунистического Интернационала, коммунистической партии. Нельзя из-за сложившегося недоверия к старым социалистическим партиям, из-за предательства разного рода социалистов в прошлом, — предательства было очень много и со стороны лиц, называющих себя революционными синдикалистами, — нельзя из этого исходить при определении стоящих перед нами задач, ибо в противном случае мертвые воспоминания помешали бы нашей живой деятельности. А в некоторых теоретических формулах товарищей - синдикалистов мертвые хватают живых.

Коммунистический Интернационал есть не только объединение политических партий и политических группировок, которые занимаются исключительно парламентской борьбой, — Интернационал Коммунистический, по существу, есть организация, которая воплощает в себе все формы и виды борьбы. Если на данной стадии развития рабочего движения в некоторых странах профессиональные союзы враждебны коммунистическим партиям или чужды им, одни по реформистским, другие по анархистским мотивам, если политическая и экономическая борьба разорвана на две части, то это только на руку нашим классовым врагам и это, во всяком случае, не является идеалом. Нельзя исходить в этом вопросе только с точки зрения Франции, с точки зрения романских стран. Возьмите целый ряд стран и вы увидите, что там политическая и экономическая борьба, политические и экономические организации тесно переплетаются между собой, при чем переплетаются и в странах с организациями реформистскими, и в странах с организациями революционными. Всем известно, например, что рабочая партия Англии непосредственно составляется из профсоюзов. Где тут кончается политика и где начинается экономика, трудно сказать. Сама рабочая партия, реформистская по своему существу, совершенно точно отражает реформистское состояние тред-юнионов. Возьмите профессиональные союзы и социалистическую партию в Бельгии, профессиональные союзы и коммунистическую партию в Чехо-Словакии, социалистическую партию в Италии и Всеобщую Конфедерацию Труда, партию и профессиональные союзы в Норвегии и таковые в целом ряде других стран и вы увидите, что мы имеем все виды взаимоотношений от органической связи, где вообще теряется всякое представление о том, где начинается партия и где кончается союз, до враждующих группировок. Является ли состояние раздельного существования между коммунистическими партиями и профсоюзами идеалом рабочего движения? Неужели рабочее движение, которое органически создает рабочие союзы и партии, неужели оно так и должно увековечить это двойственное состояние? Если послушать революционных синдикалистов, то для них только союз является основой, сутью рабочей организации, квинт-эссенцией рабочего класса, орудием революции и орудием дальнейшего строительства, а партия — лишь какое-то недоразуме-

ние. Возникают партии по злой воле интеллигентов, являются они вместилищем всякого рода деклассированных элементов и служат только лишь для обмана рабочего класса.

Это вульгарное и наивное представление о партии и о партии рабочего класса поистине смехотворно. Что такое политическая партия? Это — орган классовой борьбы. Различные слои рабочего класса, различные слои буржуазии, ее прослойки находят свое выражение в политических группировках. Думать, что партии являются наслоением, придатком или вообще, так сказать, элементом случайным в социальной борьбе, значит, иметь крайне примитивное представление о ходе классовой борьбы, о ходе революционного движения и о тех орудиях, которые рабочий класс создает для победы над своим классовым врагом.

Коммунистическая партия есть продукт органического развития рабочего класса, она есть воплощение энергии рабочих масс в лице его передовых элементов. Если в коммунистической партии есть известное количество выходцев из других классов, то это не значит, что партия является буржуазной. Ведь пролетарская девственность Всеобщей Конфедерации Труда Франции не помешала ей делать буржуазную политику и жить в незаконном браке со всеми буржуазными министерствами Франции. Либкнехт, Роза Люксембург и Ленин — не рабочие, но вряд ли самый ортодоксальный анархо-синдикалист Франции не предпочтет этих нерабочих таким рабочим, как Жуо, Гомперс, Мерргейм, Фиммен и прочим Эппльтонам. В классовой борьбе отдельные элементы, наиболее чуткие, отрываются от класса угнетателей и переходят на сторону класса угнетенных. Особенно это замечается в предреволюционную и революционную эпоху. Они приходят из недр другого класса, но они часто являются лучшими носителями идей рабочего класса. Так было во время французской революции, когда многие выходцы из дворянской среды стояли во главе буржуазной революции, так было на всем протяжении XIX века, когда многие выдающиеся руководители рабочего класса пришли к рабочему движению извне. С другой стороны, мы видим, как отдельные рабочие отрываются от своего класса и наполняют собой желтые союзы, христианские союзы, и очень часто служат орудием угнетения своих братьев по классу. Не нужно вообще смешивать тенденцию развития рабочего

класса с современным состоянием его организаций; не всякая рабочая организация является носителем рабочих идеалов. Рабочий класс создал много организаций, но только часть этих организаций стоит на высоте современных задач рабочего класса.

Когда революционные синдикалисты говорят, что только профсоюзы являются носителями идей социального переворота, что только они ставят пред собой коммунистические задачи и что поэтому сотрудничество с коммунистической партией является излишним, то они совершенно неправильно подходят к делу. В самом деле. Что представлял и представляет собой сейчас французский синдикализм? Можно ли сказать, что все французские рабочие, входившие во Всеобщую Конфедерацию Труда, стояли даже до войны на точке зрения Монатта и Монмуссо? Конечно, нет. Внутри было активное меньшинство, которое, благодаря своей сознательности и самоотверженности, выдвигалось на передовые посты рабочим классом Франции. Ну, а что такое партия? Партия—это есть объединение единомышленников, связанных единством понимания задач, единством тактики. Таким образом, по существу, революционные синдикалисты составляли своеобразную политическую партию. Правда, это была беспартийная партия:—синдикалисты противопоставляли себя всем партиям, они вообще даже создали теорию антипартийности, но надо судить о синдикалистах не по их словам, а по их делам. Если мы возьмем их деятельность в целом, то придется признать, что это была своеобразная партия, поле деятельности которой было внутри профсоюзов, тогда как вне профсоюзов была реформистская, социалистическая партия. В ревнивом отношении к своей независимости и в шуме, поднятом по этому вопросу, чувствуется некоторая боязнь конкуренции. Товарищам синдикалистам кажется, что коммунистическая партия врежется в их сферу компетенции, что таким образом одна коммунистическая партия вытеснит другую—синдикалистскую, или скорее, анархистскую партию. Иначе нельзя понять поднятого шума.

**

В чем французские синдикалисты усмотрели покушение на свои священные права? В чем усмотрели они вмешатель-

ство в их работу и стеснение их революционной инициативы? В том, что Конгресс дал совет координировать вместе с коммунистической партией все свои оборонительные и наступательные действия? Если бы наши товарищи синдикалисты внимательнее относились к принятым резолюциям, изучили бы не одну резолюцию, а все резолюции, они увидели бы, что наш съезд не стоял на точке зрения случайного смещения или механического подавления и подчинения отдельных течений, что Конгресс крайне чутко и осторожно отнесся ко всем особенностям рабочего движения, внимательно учел их и взял наиболее существенное, что нужно было взять при определении общей линии.

Возьмем ту же самую Францию и борьбу, которую приходится вести там. Мы имели недавно мобилизацию для занятия Рурского бассейна. Что, борьба против этого преступления является прерогативой революционных синдикалистов или партия должна также против этого бороться? Сверх-разбойничьи законы о прессе, вводимые в настоящее время, вся экономическая политика Франции, белогвардейские заговоры, продолжающееся бесстыдное расхищение национального достояния, колониальные авантюры, помощь контр-революции, одним словом, вся международная и внутренняя политика французской буржуазии, должна ли она встретить отпор только со стороны синдикалистов, или также со стороны коммунистов? Нужно ли для того, чтобы силы не респылялись, постоянное соглашение, или каждая организация это будет делать отдельно, встречаясь только в моменты выступлений на улице? Очевидно, интересы борьбы с буржуазией требуют упорной подготовки каждого выступления и систематического воздействия на господствующие классы путем концентрации всех наличных революционных сил. Из завязавшейся вокруг этого вопроса во Франции полемики как будто явствует, что многие товарищи понимают абсолютную необходимость совместных действий против буржуазии. Но если совместные действия нужны, то надо найти какую-нибудь организационную форму. Как же должны быть организованы эти совместные действия? Какие практические организационные формы нужно для этого создать? Это определяется сообразно с местными условиями и соотношением сил в каж-

дой стране. Если бы наши французские товарищи не были бы импрессионистами, они не дали бы себя залугать невообразимым криком, который подняла по поводу наших решений вся французская пресса, начиная от «Temps» и кончая «Libertaire». Надо отдать справедливость путанникам из «Libertaire». Они в этой какофонии все время брали самую визгливую ноту. Получилось трогательное единение—путанники и демагоги из «Libertaire» об-руку с ренегатами из «L'information Ouvrière et Sociale» выступают под одобрительные возгласы французской желтой прессы в защиту французского синдикализма от империалистических вожделений Москвы! Но оставим в стороне это отвратительное зрелище — этот блок анархистствующих с ренегатствующими. Пройдем мимо этой злобной и нечестной критики, ибо эти господа выступают против Москвы и решений Конгресса,—одни потому, что они ненавидят революцию, другие потому, что они умеют только болтать о революции, но не делать ее, и перейдем к той части французского синдикализма, которая за последние годы, казалось, уже излечилась от детских болезней анархизма. Что видим мы здесь? Что представляет С. S. R.? И здесь ясности, к сожалению, слишком мало. Пред нами проходят, как на кинематографической ленте, различные течения внутри меньшинства Французской Конфедерации Труда, которые все в один голос продолжают настаивать на абсолютной независимости французского синдикализма. Коммунист Вердье, чистый синдикалист Монмуссо и анархисты - путанники из «Libertaire», все они вот уже два месяца, как продолжают твердить одно и то же, при чем, когда синдикалисты других стран обращаются к французским синдикалистам, приглашая их оставаться в рядах Красного Интернационала, французские синдикалисты вновь выносят решение все на ту же тему, что они душой и телом привязаны к независимости и автономии. В этом отношении очень характерна резолюция, принятая 16 августа Центральным Комитетом революционных синдикалистов. В ответ на воззвание испанских, английских, итальянских синдикалистов, в котором они призывают синдикалистов всего мира не разрывать единого революционного фронта, а оставаться внутри Красного Интернационала Профсоюзов, Исполнительное Бюро Центрального Комитета фран-

цузских революционных синдикалистов приняло следующую декларацию:

«Отмечая воззвание, адресованное к французским синдикалистам известным количеством делегатов, находящихся в настоящее время в России, и также нашим товарищем Сиролом, воззвание, появившееся в «Интернационале» в четверг 11-го августа, Исполнительное Бюро Центрального Комитета революционных синдикалистов подтверждает свое желание изыскать возможность соглашения с нашими товарищами из Красного Интернационала Профсоюзов.

Исполнительное Бюро отмечает, однако, что революционно-синдикалистское профессиональное движение Франции, оставаясь верным своим принципам, своей учредительной хартией и решению Конгресса меньшинства в Лионе, сможет присоединиться к Красному Интернационалу Профсоюзов в той мере, в какой Интернационал признает без ограничений полную независимость и абсолютную автономию французского синдикализма и профессионального Интернационала, который должен быть полным господством своих действий.

Исполнительное Бюро остается, однако, убежденным, что это положение, поддерживаемое значительными группами европейских и американских рабочих, в конце-концов будет принято II Международным Конгрессом Профсоюзов, созыва которого французские синдикалисты потребуют после возвращения и заслушания своей делегации, находящейся сейчас в России.

Для того, чтобы разрешить возможно скорее этот важнейший вопрос, Исполнительное Бюро Центрального Комитета революционных синдикалистов приглашает всех делегатов вернуться во Францию возможно скорее.

В тех особенно тяжелых обстоятельствах, которые переживает сейчас русская революция, Исполнительное Бюро считает необходимым заверить наших русских товарищей в той симпатии, которую питает к ним французский революционный пролетариат, который сделает все от него зависящее, чтобы прийти на помощь русскому пролетариату и который сумеет оказывать противодействие всем реакционным и преступным покушениям капиталистических правительств.

Исполнительное Бюро считает необходимым также отметить и подтвердить свое желание оставаться в тесных отношениях со вновь созданным Красным Интернационалом Профсоюзов. Однако, оно считает также необходимым отметить, что оно не может при настоящем положении дел назначить какого-нибудь официального делегата в Исполнительное Бюро. Вследствие этого, оно может только лишь поручить своему Исполнительному Бюро установить связь до тех пор, пока вопрос о присоединении французских синдикалистов к Красному Интернационалу сможет быть рассмотренным».

Эта декларация свидетельствует о том, что путаница, источником которой является «Libertaire», основательно владеет умами наших товарищей. Мы видим в сто первый раз торжественное требование полной независимости и абсолютной автономии, при чем в сто первый раз наши товарищи-синдикалисты не потрудились нам рассказать, что это означает, а между тем пора, в конце-концов, нам сообщить, и не в отвлеченных формулах, а в совершенно конкретных предложениях, что значит эта абсолютная независимость. Вы хотите сами сделать во Франции социальную революцию? Пожалуйста,—

разве вам кто-нибудь мешает? Вы хотите вести единоборство с буржуазией? В добрый час! Что же, Красный Интернационал Профсоюзов становится вам поперек дороги? Он связывает вашу борьбу против предпринимателей? Он задерживает в чем-либо ваши наступления на капитал? он не дает вам установить диктатуру пролетариата через посредство профессиональных союзов? Ведь достаточно поставить все эти вопросы, чтобы увидеть, как неправильно подходят французские синдикалисты к задачам, стоящим в настоящее время. Красный Интернационал Профсоюзов имеет право получить от вас ответ, в чем он ограничивает вашу борьбу против предпринимателей. Есть ли хоть одно решение, было ли хоть одно предложение с нашей стороны, которое могло бы быть истолковано в смысле задержки или остановки вашей борьбы против капитализма? Вы утверждаете, что социальную революцию сделают во Франции профсоюзы, что диктатура будет ими осуществлена? Пожалуйста, мы бы очень хотели это видеть, и чем скорее, тем лучше. Мы люди дела и проверяем всякую теорию жизнью, и вы не найдете ни одного революционера, который с энтузиазмом не поддержал бы борьбы по установлению власти трудящихся во Франции через революционные союзы. Но, товарищи, надо же все-таки отличать слово от дела. Вы нам в отвлеченных формулах все время излагаете свой символ веры, но мы скептически относимся к старым формулам и вере предпочитаем знание на основании исторического опыта, опыта всех стран. А опыт этот нам говорит, что без самого тесного боевого союза между коммунистической партией и революционными союзами победа над буржуазией невозможна.

В этой декларации нашла свое отражение старая анархистская концепция, и поэтому наши товарищи, вместо того, чтобы оставаться внутри Красного Интернационала Профсоюзов и там отстаивать свою точку зрения, считают необходимым быть с Красным Интернационалом в «контакте», в «тесных отношениях» (очевидно, посылать друг другу любезные, ничего не значущие письма) и требовать созыва другого Конгресса. Здесь только не хватает еще очень любимой немецкими синдикалистами и господами из «Либертера» идеи о необходимости устроить этот Конгресс вне России. Такое же предложение, как известно, нам сделали и руководители Всеобщей

Конфедерации Труда Италии. Удивительно, как так называемые левые находят общий язык с реформистами! Что касается II Конгресса, то мы должны разочаровать наших товарищей из Центрального Комитета французских синдикалистов. Раньше, чем через год, его нельзя будет, по уставу, созвать, но мы абсолютно ничего не имеем против того, чтобы следующий Конгресс, который должен быть созван, по уставу, в июле 1922 года, произошел в Париже. Мы ни на минуту не сомневаемся, что крикуны из «Либертера», которые специализировались на дискредитировании Советской России и русского пролетариата, что они сумеют обеспечить революционным рабочим всех стран, и в том числе русским рабочим, возможность собраться в Париже. Мы будем очень рады, если вы за предстоящий год сумеете настолько выдрессировать свое правительство, чтобы оно не препятствовало организации съезда революционных союзов на территории «свободной демократической» Франции. До сих пор пока, как вам известно, ни один представитель русских союзов не может проникнуть на территорию страны четырех революций, правительство которой ныне превратилось в международную цепную собаку собственности и центр мировой реакции.

Итак, следующий съезд Красного Интернационала Профсоюзов состоится приблизительно через год, и весь этот год наши товарищи французские синдикалисты будут стоять вне Красного Интернационала, по той, видите ли, причине, что он им не обеспечит достаточной независимости и автономии, причем весь этот год французские синдикалисты, вместо разбора всех резолюций и серьезных возражений, скажем, против программы действий, статуты, резолюции о тактике и т. д., будут нам все время подносить эту метафизическую независимость и автономию, на которую никто не покушается. А что на эту автономию никто не покушается, видно из следующего радио, посланного Исполнительным Бюро Красного Интернационала Профсоюзов Лилльскому Конгрессу:

«Конгрессу Всеобщей Конфедерации Труда Франции, собравшемуся в Лилле, свой братский привет шлет Центральный Совет Красного Интернационала Профсоюзов. Совет надеется, что из этого Конгресса французское профессиональное движение выйдет возродившимся и способным к согласованной деятельности с революционными организациями всех стран, направленной на осуществление в коммунистическом строе освобождения пролетариата, что, решительно порвав с Амстердамским Интернационалом классового сотрудничества, оно присоединится к Московскому

Красному Интернационалу Профсоюзов, где сольется с движением коммунистов и синдикалистов 42 стран: Испании, Италии, Англии, Америки и т. д.

Учредительный Конгресс Красного Интернационала Профсоюзов значительным большинством голосов признал необходимость взаимного представительства Исполнительных Комитетов Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов с целью достигнуть на почве революционного действия продуктивного и действительного сотрудничества обоих Интернационалов. Устанавливая эту связь, Конгресс, однако, был чужд всякой мысли о посягательстве на автономию профессиональных организаций разных стран. Равным образом, ни Конгресс Коминтерна, ни Конгресс Красного Интернационала Профсоюзов никогда не имели в виду подчинить один Интернационал другому. Стойкие и сознательные борцы рабочего класса должны разоблачить и расстроить козни буржуазных правительств и реформистов из рабочего лагеря; направленные к тому, чтобы вынудить французским революционным рабочим, что Московский Конгресс постановил мировое профдвижение механически подчинить Коминтерну.

Мы еще раз выражаем надежду, что французские революционные рабочие не попадут в ловушку, которую им ставят буржуазные правители и верные слуги их—реформисты,—игтая их опасностью, якобы, угрожающей автономии профсоюзов».

Так как демагогия вокруг принятой резолюции не прекращалась, то была сделана попытка выработать общую формулу с той частью французских синдикалистов, которые были против принятой I Конгрессом резолюции. Общий язык был быстро найден, о чем свидетельствует нижеследующий документ:

«Нижеподписавшиеся, рассмотрев вопрос о полемике, возникшей во Франции в связи с резолюцией о взаимоотношениях между Коминтерном и Красным Профинтерном, считают, что толкование этой резолюции, принятой Комитетом Революционных Синдикалистов, способно повредить единству революционного фронта, которым руководствовались делегаты всех направлений на Учредительном Конгрессе Красного Профинтерна.

Основная мысль резолюции заключается в согласовании всех революционных выступлений внутри каждой страны. Конгресс не предписал одинаковых форм согласования всем странам. Для делегатов было важнее всего осуществить единство действия, формы которого должны были быть определенно выработаны, точно очерчены, в зависимости от особенностей профессионального и коммунистического движения каждой страны. Ни в одной из принятых резолюций нельзя найти мысли о подчинении профессионального движения коммунистической партии, но везде проводится мысль о завоевании профессионального движения коммунизмом. В каждой стране предоставляется определять формы практической связи для революционной борьбы, при том условии, конечно, что в основе всех соглашений между профсоюзами и партиями должны лежать соображения международного характера. Учредительный Конгресс считал нужным установить формы связи между обоими Интернационалами в виде взаимного представительства, но ни коммунистический, ни профессиональный Конгресс не считали, рассматривая этот вопрос, что взаимное представительство является подчинением одного Интернационала другому. Если во Франции синдикалисты и коммунисты создадут для всех наступательных и оборонительных действий смешанную Комиссию или Комитет Действий, имеющие целью концентрировать всю революционную энергию, использовать всю силу пропаганды и агитации для осуществления общей цели, этим самым синдикалисты будут действовать в согласии с резолюциями Учредительного Съезда Красного Интернационала Профсоюзов.

Если в какой-либо стране будет осуществлена иная форма согласования сил, ни Коминтерн, ни Профинтерн не будут против этого возражать, лишь было бы обеспечено единство действия. Вот точный смысл резолюции, вызвавшей во Франции оппозицию и даже постановление, которое ныне используется всей буржуазной и соглашательской печатью. Но ведь существуют и одиннадцать других резолюций, принятых Конгрессом, а именно: по тактике, по рабочему контролю, по организационному вопросу, о «программе действия» и т. д., в них разбираются все вопросы, касающиеся мирового профессионального движения. В них рассматриваются методы завоевания рабочих масс, вопрос о фабрично-заводских комитетах, практические формы рабочего контроля, организационные задачи применительно ко всем странам, борьба против цехового принципа и за организацию союзов по производствам, вопрос о безработице, о роли женщины в производстве и профсоюзах, о рабочем движении в колониях и все другие задачи, стоящие в порядке дня во всех странах.

Из всех споров, имевших место на Конгрессе, выяснилось одно: товарищи всех направлений сходятся на том, чтобы признать, что 90% рассмотренных вопросов, вызвавших столь страстные прения, тем не менее были приняты единогласно.

Оставшиеся неизжитыми расхождения объясняются разнообразием международного движения, они не могут и не должны быть препятствием для внутреннего единства Красного Профинтерна. Те товарищи, которые поднимают не только споры, но и становятся в непримиримую оппозицию, не ознакомившись и не проанализировав внимательно решения Конгресса, мешают свободному развитию Красного Профинтерна и его борьбе против Амстердама и реформистского оппортунизма во всем профдвижении.

Необходимо положить конец братоубийственной борьбе. Комитеты Революционных Синдикалистов должны прислать делегацию, чтобы найти соглашение с Профинтерном относительно форм осуществления постановлений Учредительного Конгресса, избрав немедленно двух представителей в Центральный Совет, из которых один войдет в Исполнительное Бюро Красного Профинтерна.

В заключение мы советуем внимательно перечитать Устав, принятый Учредительным Конгрессом, и напечатать его в «Рабочей Жизни» (*La Vie Ouvrière*), дабы все активные работники профессионального движения могли убедиться, что автономия профсоюзов не подвергается опасности.

Франция. Анри Сироль, Анри Годо, Гай, Виктор Лабонь, А. Росмер, Б. Суварин.

Россия. Г. Зиновьев, А. Лозовский.

Испания. Андрес Нин, Арландис.

Германия. Антон Майер.

Оба эти документа свидетельствуют о том, что никто не покушается на автономию французского синдикализма. Но это совершенно не значит, что независимость французского синдикализма вообще существует, особенно та абсолютная независимость, о которой со слезами на глазах говорят и пишут рыцари этой неизвестной нам дамы. Прежде всего, существовала ли она раньше? Нет. Всеобщая Конфедерация Труда, по существу, приблизительно до 1912 года, была сильно проникнута анархическими идеями. Во главе многих крупных организаций стояли анархисты, и она была далеко не независима от анархической идеологии. Правда, французские анархисты

имеют особое свойство быстро менять свою кожу и с чисто кинематографической внезапностью превращаться в реформистов, но это не меняет сути дела. Был период, когда анархисты и анархистствующие руководили журналами Всеобщей Конфедерации Труда, писали там руководящие статьи и прочее.

Или, быть-может, Всеобщая Конфедерация Труда была независима во время войны, когда руководители ее, вчерашние анархисты, произносили речи на банкетах промышленников, заседали вместе с Барессом, архиепископом и раввином, получали деньги на издание газеты от Мальви и поддерживали буржуазию вместе с Реноделем? Нужно быть безнадежным идиотом или маэстро ренегатства, вроде Бриана или его молочного брата Эрве, чтобы иметь смелость утверждать, что Всеобщая Конфедерация Труда была независима. Она была служебным аппаратом буржуазного государства. Что касается нынешней Конфедерации Труда, то ни для кого не секрет, что это самая зависимая организация во Франции; когда господа Жуо, Мергейм, Дюмулен и др. проливают крокодиловы слезы о независимости, то они рассчитывают на человеческую глупость, но глупость все же не безгранична, и каждый видит, как они оптом и в розницу продают французской буржуазии интересы рабочего класса. Революционные синдикалисты Франции прекрасно знают нынешнюю независимость Конфедерации Труда и ее руководителей. Люди, которые на деньги правительства едут в Вашингтон, люди, которые принимали участие в выработке Версальского договора, люди, которые не вылезают из министерской передней, которые сотрудничают в буржуазных газетах, которые получают деньги из организованной предпринимателями газетки «L'Information Ouvrière et Sociale», так же, независимы, как независимы французские адвокаты, находящиеся на службе в финансовых и промышленных акционерных компаниях. Об этих господах нечего говорить, и если приходится о них упоминать, то только потому, что революционные синдикалисты обращают внимание на вопли этих господ о независимости, невольно поддаются подвинуемому этими господами шуму, стараются оправдаться пред ними, вместо того, чтобы с презрением отвернуться от этих наемников буржуазии.

Но, может-быть, нам скажут, что меньшинство французских синдикалистов независимо, — рассмотрим и это утвер-

ждение. Меньшинство французских синдикалистов состоит, как известно, из трех течений: коммунистов, чистых синдикалистов и анархистов. Было бы очень интересно знать, какую линию проводят в союзах сторонники «Либертера», какую-то особенную, независимую от этого органа или ту же самую, какую они развивают на страницах этого органа. Если бы они в союзах вели другую политику, чем на страницах «Либертера», и развивали бы другую точку зрения, то как надо было бы назвать таких людей? Не иначе, как людьми двуличными, имеющими две совести: одну—для внутреннего, а другую—для внешнего употребления. Насколько мне известно, либертеры в союзах отстаивают всю сумму своих идей, и это совершенно естественно. В этом отношении они более последовательны, чем многие из их противников. Я спрашиваю вас, что, они независимы от анархистской идеологии? Возьмем теперь вторую группу внутри этого меньшинства — коммунистов. Здесь надо признать, что во Франции не все обстоит благополучно, ибо самыми пылкими рыцарями независимости являются коммунисты, при чем никак не поймешь, о чем идет речь—говорят ли они о независимости от коммунизма или о независимости от коммунистической организации. По статьям Вердье и других видно, что их страшит зависимость профсоюзов от коммунизма, ибо если бы не было этого страха, то не было бы и того панического крика, какой они издают в последнее время по поводу решения Учредительного Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов. По существу, за всем этим шумом скрывается лишь та мысль, что профсоюз должен быть нейтральным по отношению ко всем политическим партиям. Иначе говоря, эти товарищи проповедуют антикоммунистическую, чисто буржуазную теорию нейтрализма. Но, оставляя сейчас все эти противоречия, наиболее блестящим носителем которых является тов. Вердье, я спрашиваю вас:—Что, коммунисты внутри профессионального движения имеют право защищать свою коммунистическую точку зрения или они, приходя в союз, должны за пределами его, как это советует трижды священная Амьенская Хартия, оставлять свои принципы, как благоверный мусульманин снимает обувь, входя в храм?

Очевидно, таксе требование, несмотря на то, что оно провозглашено священной Амьенской Хартией, нелепо. Коммунистический Интернационал и коммунистическая партия тре-

буют от каждого своего члена распространения повсюду тех идей, которые охватываются понятием коммунизм. Что такое коммунизм? Есть ли это отвлеченная и безжизненная философская система или это живая и боевая теория и практика, распространение которой приближает нас к победе рабочего класса? Каждый коммунист скажет,—иначе он не был бы коммунистом,—что коммунизм есть теория и практика борьбы, что принципы коммунизма нужно нести повсюду, где имеются рабочие массы, и что задача каждого коммуниста и всех их вместе, поскольку они организованы в политическое целое—коммунистическую партию, пропитать идеями коммунизма максимальное количество рабочих и рабочих организаций. Значит ли это, что коммунисты проповедуют превращение профессиональных союзов в придаток партии? Что, они хотят расколоть союзы на коммунистические, анархистские, меньшевистские и всякие другие? Это абсолютнейший вздор. Если бы коммунисты хотели создавать партийные союзы, то они бы это сказали открыто, ибо можно обвинять коммунистов в чем угодно, но их нельзя обвинить в том, что они недостаточно откровенно высказывают свои мысли и свои тактические соображения. Коммунисты не хотят создавать партийных союзов. Они хотят, чтобы союзы были пропитаны духом борьбы, чтобы они не стояли в стороне в момент переживаемой буржуазным обществом катастрофы, и чтобы они не занимали, как это продолжают делать реформистские союзы, враждебной позиции по отношению к революции. Но если такое желание коммунистов вполне законно,—а никто не станет отрицать права каждой группы членов союза, поскольку они являются членами партии, проповедывать свои идеи—что же произошло бы, если бы большинство членов союзов или руководящее ядро их состояло бы только из коммунистов? Произошло бы не организационное слияние партии и союзов, а идейное единство, единство в тактической линии, единство в борьбе. Вопрос о независимости отпал бы, ибо по отношению к чему и к кому пришлось бы отстаивать независимость? По отношению к буржуазии? Да. По отношению к реформизму? Несомненно. По отношению ко всем тем, кто хотел бы превратить союзы в орудие борьбы с революцией? Само собой разумеется. Но можно ли говорить о том, что союзы должны быть независимы по отношению к той партии, которая является

плотью от плоти рабочего класса, идеями которой пропитано все профессиональное движение данной страны, тактическая линия которой большинством разделяется? Можно ли было бы тогда говорить об этой независимости? Очевидно, нет. Таким образом, сама независимость возникает там, где есть идейные политические разногласия между партией и союзами, где имеются разные теории, где имеются разные политические группировки и разные пути, ведущие нас к поставленной цели. Я еще раз подчеркиваю, что нет ни одного коммуниста, который хочет организовать партийные, чисто коммунистические профессиональные союзы. Только глубоким невежеством и еще более глубокой бесчестностью людишек из «L'Information Ouvrière et Sociale» объясняется их постоянное утверждение, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии хотят превратить союзы в чисто партийные организации. Достаточно указать, что во всех уставах русских союзов,—а ведь русские профессиональные союзы служат страшилищем и пугалом для мелких буржуа из Амстердамского Интернационала,—имеется пункт, который гласит следующее: «членом союза может быть всякий рабочий, независимо от его политических и религиозных убеждений». Таким образом, каждый рабочий, благодаря своему положению, может быть членом любого русского союза. Съезды, определяя линию поведения русского профессионального движения, способствовали его ориентировке в сторону коммунизма, как съезды Лионский, Орлеанский и Лилльский способствовали ориентировке французского профессионального движения в сторону реформизма. Любопытно, что господа Жуо и Мергеймы, написав резолюцию, в которой они подтверждают свою привязанность к Международному Бюро Труда при Лиге Наций, тем же самым пером и теми же самыми чернилами обвиняют нас—русские союзы и Красный Интернационал—в том, что мы подчиняем профессиональное движение ненасытному чудовищу, каким является Коммунистический Интернационал. Заседайте вместе с патентованными представителями буржуазии, работайте в создаваемых Лигой Наций комиссиях, но не заседайте с Коммунистическим Интернационалом, ибо это нарушает вашу независимость!..

Остается третья группа синдикалистов, которые не являются ни либертерами, ни коммунистами, а представителями

идей чистого синдикализма. Но эти синдикалисты устами т. Монатта сами признают, что Амьенская Хартия не дает ответа на все случаи жизни и что за последние 15 лет кое-что переменилось под луной. В чем заключается их теория независимости? В том, что революционный синдикализм сам себе довлеет, что он способен сам совершить социальную революцию и что союзы не нуждаются ни в какой помощи со стороны. Для них основным орудием переворота являются союзы, и, исходя из этой своей концепции, они относятся недружелюбно к мысли о координации действий с коммунистической партией. Но вся эта теория не что иное, как программа синдикалистской партии, которая усматривает в коммунистической партии конкурента и поэтому считает необходимым вести свою работу абсолютно самостоятельно и независимо от политической партии. Есть ли здесь независимость от политики и политической борьбы? Нет. Это есть своеобразная теория политической борьбы, своеобразная политика, иногда скрещивающаяся с политикой коммунистической партии, иногда сталкивающаяся с ней. Если мы будем на вещи смотреть открытыми глазами и не будем делать из теории синдикализма фетиш, мы скажем, что руководящие группы испанского, как и французского синдикализма, являются по существу синдикалистскими партиями, которые развивались в недрах рабочего класса, в его профессиональных организациях в противовес господствующему реформистскому социализму. А если это так,—а это не подлежит ни малейшему сомнению,—то для синдикалистской французской партии вопрос о блоке с коммунистической партией не может не стать, ибо интересы рабочего класса, интересы борьбы выше отвлеченных программ и отвлеченных теорий. В чем отличие революционного синдикализма от коммунизма? В том, что революционный синдикализм думает добиться коммунистических результатов исключительно через профессиональные союзы, тогда как коммунистическая партия считает, что осуществление социализма и коммунизма возможно только в том случае, если рабочий класс имеет мощную коммунистическую партию, которая во всей своей борьбе опирается на непартийные профессиональные союзы. Логика борьбы заставит наших товарищей исправить некоторые свои теоретические формулы, как она заставляет их вносить коррективы и в непогрешимую Амьенскую Хартию.

Но каковы бы ни были практические и теоретические разногласия, которые существуют между синдикалистами и коммунистами, нужно потерять всякое представление о живой жизни и интересах пролетариата, чтобы в такой момент отойти от международной организации революционных союзов на том основании, что некоторые решения Конгресса не совпадают с теорией французских синдикалистов. Получается любопытная картина — французские синдикалисты вместе с нами основали Красный Интернационал Профсоюзов, и когда после одиннадцати месяцев собрался Конгресс, на котором было представлено 17 миллионов организованных рабочих, когда заложен крепкий фундамент Красного Интернационала, тогда приходят французские синдикалисты и говорят: «Мы не желаем входить потому, что есть опасение, что наша автономия не будет соблюдена». И все это говорится без малейшего основания, без малейшего доказательства и без малейшей ссылки на факты. Французские синдикалисты могли бы, оставаясь внутри Красного Интернационала Профсоюзов, поднять шум тогда, когда их автономия была бы действительно нарушена. Но нет, нарушение независимости, видите ли, заключается в том, что три представителя Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала входят в Центральный Совет Красного Интернационала Профсоюзов, а три представителя последнего входят в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Оказывается, что совместное заседание по вопросам практической борьбы, что участие трех представителей Коммунистического Интернационала умаляют независимость международного профессионального движения и в особенности независимость французского синдикализма! Французские синдикалисты считают удобным, на потеху всем нашим врагам, стоять в стороне и требовать каких-то особых гарантий, при чем они думают, что это служит доказательством особой независимости французского синдикализма. К сожалению, я должен констатировать, что как раз эта оппозиция по отношению к Красному Интернационалу Профсоюзов, это пребывание между Москвой и Амстердамом свидетельствует о чем угодно, только не о независимости меньшинства Всеобщей Конфедерации Труда. Оно, очевидно, было продиктовано, с одной стороны, боязнью путанников из «Либертера», а, с другой — страхом пред предателями из «L'Information Ouvrière».

«et Sociale» и «Peuple». Только этим можно об'яснить то поистине печальное положение, в которое поставили себя французские революционные синдикалисты, оторвавшись от созданного ими вместе с нами Красного Интернационала Профсоюзов.

Тем, кто так много говорит о независимости, мы можем от всей души, со всей той горячей симпатией, которую мы чувствуем к ним, дружески сказать: «Вы в плену у старых формул, вы проходите мимо жизни и жестоких уроков ее. На ваш мозг давит прошлое. Мертвые формулы хватают ваше живое революционное сознание. Будьте же действительно независимы по отношению к путанникам из «Либертера» и господам, стоящим во главе Всеобщей Конфедерации Труда, и тогда вы будете не между Москвой и Амстердамом, а в Москве для борьбы с Амстердамом».

(«Международное Рабочее Движение», № 7. Октябрь, 1921 года).

